

Заботой материнскою лугасе...

Зуре Реня Михайловна
(8.11.1935 - 13.04.2015)

Годы идут. Вот уже 5 лет, как ушла из жизни Зуря Михайловна. Первая мысль, что приходит в сознание как-то дому, кто знал Зурю Михайловну, кто работал с ней, кто учился у неё, кто дружил с ней хоть недолго, - это тот факт, что сегодня всем нам так не достаёт мудрости, заботы этого человека. Стоит только позвонить кому-нибудь из младших коллег (сверстников уже никого не осталось), встретится случайно кого-либо из бывших учеников, как снова и снова кажутся воспоминания. За что же так искренне любимы, глубоко уважаемы её коллегами-учителями, учениками, где была она классным руководителем, родителями всех классов, когда стала она директором школы?

Сегодня люди разных поколений, различного возраста, все, кто имел отношение к нашей 15 средней школе, а позже к гимназии №1, родившейся трудами и стараниями Рени Михайловны, хранят о ней добрую память, гордятся, что часть их жизни прошла рядом с этим человеком, что им посчастливилось общаться с ней, учиться у неё.

Я думаю, что дело прежде всего в жизненной мудрости и человеческой доброте Зуря Михайловны, в её душевной густоте и готовности всегда и каждому прийти на помощь.

По возрасту она старше меня всего-то на один год и несколько месяцев, но как много переменила я у неё в плане отношения к детям. Как умела она разрешить любую нестандартную ситуацию, решить конкретную проблему, возникшую в учительском или в ученическом коллективе. Об этом постоянно вспоминают её бывшие ученики, теперь уже почти пенсионеры. Кто-то стал педагогом и использует её опыт в своей работе. Для всех нас, кому посчастливилось трудиться с ней в 15 средней школе, или позже в гимназии №1, - она была не только коллегой, потом директором, но прежде всего мудрым

советником, разумным наставником. А последнее десятилетие, когда мы - Феня Михайловна, Валентина Иосифовна и я - стали пенсионерами, она стала для нас самым дорогим другом. Сметю надеяться, что и мы для неё тоже.

Конечно же, её мудреная мудрость, доброта, густое отношение к людям и к миру идёт отсюда - с её Тимшцы, где прошли детские и юношеские годы. Сегодня, когда в печати появилось много интересных материалов об истории Беларуси, начинаешь понимать, что Тимшцына - это особый регион нашей страны. Там издавна было рождено много особого склада, особого менталитета. О некоторых из них сегодня знает вся интеллигентная Беларусь.

В перестроечные годы Феня Михайловна много рассказывала нам, своим друзьям, о событиях, которые происходили там, где пролетело её детство, о выдающихся земляках. С особым теплом вспоминала о родных и близких людях, это могли быть незаурядными личностями. Это-то помнила сама, это-то слышала от мамы, от единственного из дядьев, оставшихся в живых - от дяди Кимы. Мама умерла рано, и уже вочки на руках оказались младшие - брат и сестра. После смерти мамы помогал дядя Кима. Он прожил долгую жизнь. Феня Михайловна постоянно навещала его и всегда узнавала что-то новое о своих предках.

Дядя Кима особенно любил вспоминать своих многочисленных старших братьев. Когда все они были молодыми, в их родительском доме постоянно собиралась молодежь из близлежащих мест. Собирались на вечеринку, на посиделки, на собрания. Бывало в те далекие годы на этих собраниях и молодцы - учитель Константин Мишкевич, будущий выдающийся белорусский писатель Якуб Колас. Он, после окончания учительско-семинарских

поезд "у шибь Падеева, как навучаць дзетак" и не-
которое время пил в тех краях.

Когда покоронич дядю Жюма, Феня Михайловна
мечтала создать в этом доме, старинном, мно-
гое и многих повидавшем, жоть бы небольшой
этнографический уголок, но не успела, к сожалению.

А годы шёл. Закончен учительский институт.
Тогда, в первые послевоенные годы, при педагогичес-
ких институтах существовали двухгодичные факуль-
теты, которые назывались учительскими. Два го-
да обучения — и ты учитель базовой школы, име-
ешь право преподавать в 5-7 классах. Заочно мож-
но доучиться и в дальнейшем работать в полной
средней школе.

В 18 или в 19 лет с дипломом учителя русского
языка и литературы Феня Михайловна приеха-
ла в небольшую семилетнюю школу. Заведую-
щий рано сразу же назначил её завучем этой
семилетки. Видимо, оценки в дипломе и вузов-
ская характеристика сыграли свою роль.
В этой маленькой семилетней школе работа-
лось хорошо. Вспоминала Феня Михайловна свои
первые педагогические шаги всегда тепло и душевно.

Когда Феня Михайловна вышла замуж за
своего земляка Петра Владимировича Курца,
семья вынуждена была переехать в Витебск,
к месту службы молодого офицера. С юно-
рой и легкой грустью вспоминала она первые
годы жизни молодой офицерской семьи.

Ещё недавно на ул. Фрунзе, вблизи её пересечения
с улицей Терешковой, стоял старинный крас-
ный кирпичный дом. Дом этот был построен
в далекие предвоенные годы. Тогда это была
окраина города. Дальше было ромашковое поле
и несколько деревянных домиков. В этом
"красном" доме разместили общепитие офицерских

семей. Для молодой офицерской семьи — своя комна-
та; в коридоре — во всю длину дома — у каждой
двери табуретка. На табуретке свой собствен-
ный семейный керогаз. На нем варим еду, гре-
ем воду, чтобы постирать или искупать детей,
у кого они уже появились. С точки зрения се-
годняшней жизни — картинка невеселая. Но ве-
дее общественное, а не личный угол где-ни-
будь на краю города. Молодые офицерские семьи
жили дружно. Вместе встречали праздники.
И семьи — вместе — ждали гостей, когда они уезжали
на задание, особенно тревожно — если на раз-
менированье. Мин вокруг Витебска остался
со времён войны всё ещё немало.

Как-то в нашей школе появилась новая учи-
тельница биологии Лиасковная Зинаида Влади-
мировна. И вдруг выяснилось, что у них с
Френей Михайловной есть общие воспоминания.
Вспоминала, конечно, больше Френя Михайловна,
потому что в 50-е — 60-е годы, когда офицерские
семьи жили в «красном» доме, Френя Михайловна
была уже взрослой женщиной, а Зина и ее сест-
ра — близняшка были малышками.

Однажды в этом семейном общественном, в длин-
ном коридоре с керогазами у каждой двери, слу-
чилась беда. То ли какая-то хозяйка оказалась
расеянной, то ли зей-то керогаз не выдер-
жал нагрузки, только запахло дымом и ко-
то крикнул: «Пожар!» Люди стали мхоразог-
но выносить из дома всё, что попадало под
руку. На улице было холодно. Кто-то схватил
девочек — близняшек, завернул их в ковёр, вынес
на улицу и поставил сверток у забора, по-
давшие от суеты.

Когда опасность миновала и стали возвра-
щать вещи в дом, оказалось, что пропали дети.
Путь всех охватила тревога, не меньшая, чем
при пожаре. Напомню кто-то услышал отдалён-
ное вскрикивание. У забора увидели сверток в

трубку ковёр. Оттуда раздавались эти странные звуки. К счастью, девочки не перепугались, не утонули.

Этот эпизод вроде бы не имеет отношения к Фене Михайловне, но это свидетельство того, как нелегко начиналась жизнь молодой семьи в первые послевоенные десятилетия. Даже семьи офицеров, людей уважаемых и высоко ценимых после войны, жила в таких нелёгких условиях. А что говорить об остальных? Найти работу учителя в Витебске тоже было непросто. Феня Михайловна пришла в городскую отдел образования. Заведующий городом был Никита Толубцов, человек энергичный, деятельный. После стандартных вопросов (Где училась? Где работала? Как оказалась в Витебске?) прозвучал вопрос неожиданный: «Белорусский знаешь?» И хотя Феня Михайловна конечно русское отделение гимназии, как можно было не знать родной язык? Тем более, это и на русском отделении мы изучали белорусский достаточно серьезно.

Тут же она получила в руки записку следующего содержания: «Вера, посылай тебе молодую учительницу. Знает белорусский. Сразу же отправляй в 4 класс!»

Дело в том, что Вера Яковлевна Толубцова, жена заведующего городом, была завучем начальных классов средней школы №2. В 4-ом классе у неё работала учительница, приехавшая из России. Белорусского языка она естественно не знала, и заменить было нечем. Вот, наконец-то, выход! Так Феня Михайловна стала преподавать белорусский в 4 классе. Потом появились группы продленного дня. И в этом эксперименте пришлось поучаствовать. А сколько ещё их было, этих экспериментов?

В 1962 году заведующий горно был уже не Галуцов, а Озеров. Он-то, кто называется, "бросил на прорыв" Феню Михайловну уже в нашу 15 среднюю школу. Я работала в этой школе уже второй год. Завучем у нас была Софья Бенциановна. Она заведовала учебной частью со дня полного открытия школы. Это были авторитетный и глубоко уважаемый учителями администратор. Но мне, молодому учителю, она относилась строго, требовательно, часто бывала на уроках, многому учила меня. Но за поддержку и заботу обо мне я до сих пор благодарна ей.

Но вот в нашей школе откуда-то появилась некая Тырышкина. Пошли в горно педкомы, начали проверки, зачастили комиссии.

Оскорблённая этим, Софья Бенциановна по своему желанию ушла в другую (25-ю) школу. На её место Озеров и решил назначить Феню Михайловну. Узнав про эту неприятную историю в нашей школе, Феня Михайловна наотрез отказалась от завучества и осталась у нас преподавателем русского языка. Отказ в горно приняли, видимо, потому, что у неё маленький ребенок: недавно родился Сережа. Муж же, военный человек, постоянно в командировках.

Как ни старалась Феня Михайловна избежать сферы руководящих кадров, как ни сторонилась этой работы, — всё же ей не удалось. Вскоре её назначили завучем. Но завуч всё же ближе к детям и к учителям и не связан с хозяйственными делами.

Но вот в 1976 или в 1977 году Абрама Григорьевича, нашего любимого и этничного директора, тоже, как говорится, "бросили на прорыв" в 34-ю среднюю школу. Там что-то произошло,

и директора школы освобождали от работы, а Абрама Григорьевича назначили на его место. Человека, который практически построил новое школьное здание, наполнил классы-кабинеты техническими средствами обучения, практически воспитал коллектив в этом направлении, заставил - приказав - предложить перейти в другую школу. Предлагаю, как некогда ему было оставлено место, где коллектив любил и уважал его, куда он вложил столько труда, сил и времени... Теперь мне кажется, что это он уговорил Феню Михайловну продолжить его начинание, его задумки. Именно поэтому она согласилась с приказом горкома. Что же, спасибо ему и за это, потому что нам с ней работалось приятно. Она поднимала школу на новую высоту: в Вытебке появилась первая в области гимназия. Но это будет позже. А пока я вспоминаю события тех дней, убедилась, что произошло это всё в течение 1976-1977 учебного года. В этот год заканчивал школу класс, где Феня Михайловна была классным руководителем. В течение нескольких лет. Узнав о том, что Феню Михайловну назначили директором школы, выпускники взбунтовались и отказались от многоклассного. Заявили, что у них будет самоуправление. Это тоже своего рода эксперимент. И, надо сказать, ребята успешно справились. Класс был сильный, много медалистов. Они и до сих пор поддерживают связи друг с другом и считают Феню Михайловну своим единственным классным.

Плоды трудов и успехов каждого руководителя - это прежде всего нравственный климат в коллективе. В нашей школе нравственный климат был всегда на самом высшем уровне. Не случайно большая часть учителей моего поколения, тех, кто пришел в школу в конце 50-х - начале 60-х годов, так и доработали в этом учебном заведении до самой пенсии. И бывшие наши ученики вспоминают на всех, как

говорится, словом: Женю Михайловну, Валентину Иосифовну, Валентину Кирилловну, Элеонору Францевну, Лину Александровну, Леонадия Борисовича, Анатолия Ивановича, Романа Аркадьевича...

Но есть ещё один критерий, который определяет «роль личности в истории». В данном случае в истории нашей школы.

Леонид Дмитриевич Чернышёнко выносея идею об-щественно полезного труда, придумав и создав при совхозе «Воронь» летний каценопольский лагерь тру-да и отдыха, по его замыслу появился сквер в честь 40-летия пионерии.

Абрам Григорьевич добился пристройку нового трёх-этажного корпуса к зданию старой (1937г) школы и осу-ществил его. По инициативе Абрама Григорьевича тех-нически переоборудовали старые классы-кабинеты, оснастили их ТСО.

Главное детище Женю Михайловны - это первая в Витебской области гимназия. В конце 80-х - на-чале 90-х годов по велению бывшего Соловья стали возникать учебные заведения нового типа - гимназии, лицеи, колледжи. Фактически-копии старых, дорево-люционных. Что-то брали из прошлого, что-то из зарубежного опыта, где-то экспериментировали сами.

При поддержке района и инспектора Евгения Георги-евича Михайловского Женя Михайловна, это называ-ется, «подняла» на плечи гимназию. С Ларисой Влади-мировной Матвеевой, давузем по науке, они состав-ляли планы, вырабатывали концепции, изучали меж-дународный опыт. Целили специалистов по филосо-фии, по ритмике, ережтоварино.

Это теория. А практика? Если по ул. Ленина идти и смотреть в сторону пригорка, где расположена гим-назия №1, бросается в глаза огромный барьер «Древо-знаний», который украшает самую высокую часть сада гимназии. Немало часов и дней провели

Френя Михайловна, преподаватели рисования и геральдики
приглашённые специалисты, создавая этот симво-
лический памятник знамению и науке.

Внушительный гудронный забор вокруг территории
пришкольного участка - тоже детище Френи Михай-
ловны. Немало пришлось ей походить по различным
инстанциям, прежде чем огородили школьный участок
и стадион.

Авторитет гимназии рос из года в год. Но нам,
старшему поколению учителей, там было расста-
ваться с цифрой "15". На одном из "высоких" город-
ских совещаний встал вопрос; каким номером озна-
чить рубовскую среднюю школу. Дело в том, что им-
ператорский посёлок Руба вошёл в черту города и шко-
ла стала городской. А школ под разными номерами
в Витебске немало. И тогда Валентина Иосифовна, как
завуч, предложила считать рубовскую среднюю школу
15-й. Теперь, когда о 15-ой средней школе поворот или
пишут это то хорошее, теплеть на сердце.

В годы, когда рождалась наша гимназия, я мало од-
ушлась с Френей Михайловной. Она - директор первой
в области гимназии. Я - классный руководитель ещё
школьного - не гимназического - класса. Гимназия -
это престижно. Но время и обстановка в стране
менялись не по дням, а по часам. Ещё недавно
классный руководитель мог гордиться своим
выпускником, поступившим в университет, в
институт. Теперь же с классного руководителя
в первую очередь спрашивают, сколько учащихся он
отвёл (иногда даже за руку) в технические училища;
стране нужны кадры для промышленности и строи-
тельства. Не однежды и Френе Михайловне и Валентине Иоси-
фовне приходилось на "высоких" городских совещаниях
получать упреки и выговоры за нас, классных руко-
водителей, кто не дотянул число поступивших в
ПТУ до нужного процента. Теперь у ПТУ
появились новые, более звучные названия - колледжи,

и идут туда выпускники базовых и средних школ с большей охотой. А в конце 70-х годов эта проблема стоила много нервов и классным руководителям и особенно администрации.

Год 1979 был трудным не только для сельского хозяйства, но и для нас, школьных учителей. Кто-то в верхних эшелонах власти придумал новый выход: после выпускного вечера, получив аттестаты зрелости, будущие абитуриенты должны неделю отработать в колхозе или на каком трудовом объекте. Только после этого классный руководитель имеет право выдать им характеристику для подачи документов в вуз. Исключения были сделаны только для парней, поступающих в военные училища.

Наследно и ярко вспоминается мой выпуск 1979 года. В школе было четыре выпускных класса — десятые "А", "Б", "В" и "Г". Всех нас направили в один из отстоящихся колхозов Городокского района. С ребятами поехали естественно четыре классных руководителя. Быть ответственной за всех и всё — эту обязанность Феня Михайловна взяла на себя. Директор школы сама поехала с нами.

Лето было засушливое. Уч. первого, ни тем более второго укоса сена, на которое нас ориентировали, пасть не приходилось. И надо же, что в это самое время — это не шутка и не выдумка — кто-то где-то, вероятно, дающий диссертацию. Сделал открытие, что для откорма скота зимой вместо травы можно употребить "ветогной корч". Недовольные ветки севых деревьев срезают, измельчают и отправляют в силос. Этот "ветогной корч" и у нас и у колхозного бригадира вызвал наездничку и озлобление. Бригадир (конечно, в отсутствие детей) сказал, что мы ну не мы или в колхозе, "как личинка спица в колесе". Но ослушаться ни мы, ни он не посмели. Какую-то работу нам наши. Детей расселили по домам семьям. Я бы повозмущалась, и этим бы всё дело и кончилось.

Но для Фени Михайловны-претяге всею забота о детях. Она велела всем после обеда собратся к до- му, где повелились мы с ней. Когда ребята подо- шли, каюдоого она стала распрашивать, как устро- ились, как приняи хозяева: Кто-то сказаа, что угое- тили парным молоком, кому-то пожарили ячмыцу в дополнении к их домашним бутербродам. Только ке- тыре девочки, которых поселили в одном доме, сму- щалась, сказали, что им запретили трогать даже круп- ку для воды. Я подумала, что в этом доме живут ка- кие-то сектанты. Но Феня Михайловна отнеслась к этому факту серьезно. Она стала распрашивать нашу хозяйку, и та пояснила, что в этом доме есть болейшой туберкулезом. А поскольку свободных домов боль- ше не было, она соглашалась взять девочек к себе. "Как-нибудь разместимся," - сказала она. Но девчата воспротивились. Они не хотели, помятно, быть по- нячим с Феней Михайловной жестким надзором. В конце концов пришли к компромиссу: есть и от- дыхают они будут с нами, а спать в сарае на свежем сене.

Уже потом, гораздо позже, я осознала, насколько за- ботливее и мудрее меня Феня Михайловна в практиче- ских педученических вопросах. Как многому я у неё смогла поучиться!

Два класса - "А" и "Б" - остались жить и работать в нашей деревне, два других - "В" и "Г" - поселились в сосед- ней, километра за 2-3 от нас. Однажды вечером мы с Феней Михайловной отправились навестить наших соседей, поддержать классных руководителей Фран- цу Парфёмову и Людмилу Андреевну.

Идти по лесу было приятно и весело. Вот и пер- вый деревенский дом. Он стоит торцом к до- роге. Повернув голову, я увидела широкий крестьян- ский двор. В центре двора большой стол, на- крытый к утешению. На столе постелены разщеров

сковорода с мясницей и — о, ужас — бутылка с чем-то спиртным. «Может быть, даже самогонка? — мелькнула жёлтая мысль. У стола суетятся парни 10-го класса Серёжа Кляшторный и Серёжа Фиоцидов. Рядом ещё двое. Кто? — Не успе-ла рассмотреть. Я любила этот класс. С удо-вольствием вела у них уроки русского язы-ка и литературы. Серёжа Кляшторный был моим любимцем. Мы с ним по субботам вы-пускали школьную радиогазету. Он был у меня одним из лучших дикторов. И вдруг наши славные ребята — и самогон...»

Выросшая без родителей, я не знала, что такое семейные праздники, и с негодованием относилась ко всякому рода питию.

Это счастье, что рядом со мной оказалась Олена Михайловна. Она отстранила меня и с весёлым, добродушным тоном обра-тилась к Сергею: «Ну, подойди ближе, рас-сказывай, как вы устроились, как работа-ете? Где пивут Фаина Татароновна и Люд-мила Андреевна? Пока Сергей шел к ней, кто-то из мальчишек подсуетился и бу-тылка исчезла в чём-то кармане или в рукаве. Крамола, так возмущивши-меня, как не бывало. А я — то готова была зло обругать ребят, обидеть хозяйку. Спасло Олену Михайловну. Она удержала меня от скандальной выходки, дала урок споквойной мудрости.

Поговорили с хозяйкой. Она похвалила ребят, сказала, что они помогают ей по хозяйству. И воду принесут, и дров накопят. Вот она и решила их отблагодарить, как принято у них на селе. «По возрасту они уже не малень-кие. Почти взрослые. Бутылку вернули хо-зяйке. Никто никого не обидел, не обругал.

А я ведь могла испортить настроение и себе, и Фекке Михайловне, ни да это обидеть хозяйку, которая любезно принимала ребят в свой дом. А как бы я выглядела в глазах моих учителей. Случай этот стал мне уроком на будущее: сначала подумай, а потом решай, стоит ли возмущаться. Научись сдерживать излишние эмоции.

Был ещё один необычный случай в моей жизни, где я опять увидела Феню Михайловну человеком благоразумным, рассудительным. Как мудро она сумела разрешить конфликт, возникший между учителем и учениками, решить, никого не обидев. Мало того, даже собственную случайную оговорку обыграть с пользой для дела.

Было это в 9 или в 10 классе. Ребята у меня, как говорится, были шухарные. Умные, находчивые, с определенной долей юмора и озорства. А авантюризм был склонны многие. Как-то отправились мы в поход на родину Михаила Сильницкого в Суропский район. Когда стали утруждаться на ночлег, ко мне подошёл хозяин крайнего дома и попросил: «Товарищ мастовица, поставьте свои латки на другом конце деревни. Тут при дня стояли студенты. Они воровали у меня дрова для своего костра. Я три ночи не спал, караулил, не знал покоя». Мы послушно ушли на другой конец деревни. По дороге кто-то всё повторял старинную шутку: - Мужик, тебе дрова нужны? - Зачем мне ваши дрова? Своих полно.

Ничего в этом анекдоте смешного не было
но в твоей-то памяти задержалось это: "нужны-
не нужны." А через некоторое время вдруг
возродилось с иной концовкой, совсем не все-
дой для меня.

Началось с кабинета английского языка,
Валентина Константиновна Медведева, учитель-
ница английского языка, была человеком необы-
чайной доброты и искренности. Началось с воп-
роса: Валентина Константиновна, вам дверь

нужны?

Она не поняла их юмора и с привычной
непосредственностью ответила:

- А как же, ребята? Вы же знаете, это свой
класс стелы́й холодный. Он же расположен
над аркой. Без двери и я, ч вы совсем за-
мерзаете.

"Прикола" не получилось. Что было дальше,
я не знаю. Дошла очередь до кабинета физики.
Преподаватель физики Леонид Кузьмич Яко-
моренко работал в нашей школе недавно.
Человек амбициозный, он был уверен, что автo-
ритет учителя завоевывается требователь-
ностью и строгостью. Отношения с ма-
ми малячками у него как-то не складыва-
лись. А тут некая дурацкая шутка:

- Леонид Кузьмич, вам дверь нужна?

- Ответьте со своими шутками.
Зачем мне ваша дверь? Готовьтесь
лучше к уроку.

Действительно, зачем ему дверь, если у него
своих две. Одна в кабинете, другая в лабо-
рантской.

Все в порядке. Шутка сработала. Со следующей

перемены кто-то опоздал, кто-то задержался. Тогда в конце урока учитель отправился в лабораторию, он вдруг обнаружил, что дверь исчезла.

Преступление было не в меру коварным. Тут же срочно была вызвана классная, которая «распустила свой класс до невозможности». Самый авторитетный ученик был послан пригласить директора. Адаш Михайловну. Я стояла у окна и чувствовала себя виновной кругом. Это это проделки моих юмористов, на сей раз я не сомневалась.

Последний спектакль-следствие я помню со всевозможными деталями, потому что через год, когда мои парни стали «солдаты дяди», собираясь на традиционные февральские встречи, они часто вспоминали этот эпизод! И не раз разыгрывали для меня тот же спектакль. Репетицией и комментарием тех воспоминаний был всегда Юра Адамович.

— Игорь Тимченко, — начал он, стараясь подражать Фене Михайловне, — ты дверь унёс с кабинета физики?

Если Игорь присутствовал на этих встречах, он сам отвечал за себя:

— Это вы, Феня Михайловна. Я же слабак. Я не подниму эту дверь. Да не с кабинета, а с лаборатории.

— Алик Бабахин, твоя работа?

— Да нет, Феня Михайловна. Я всё перекинул в комитете камсомола был у Валентины Кирилловны.

Травда, не застал её там.

— Андрей Сыгёв, ты знаешь, где теперь находится эта злобастая дверь?

— Аломятия не имену, Феня Михайловна.

— Юра Адамович, ты знаешь, кто снял дверь в лабораторию?

— Я, Феня Михайловна.

— Вот молодец, вот ушница! — неопециданно провозгласил

в классе.

Кто-то исподтишка хмыкнул. Девочки недружелюбно перешагнулись, поехали шептаться: "Надо же снять дверь, совершив недозволенное — и молодец!"

Минутная пауза, и Феня Михайловна продолжает с той же интонацией:

— Молодец, учица! Потому что правду сказал. Вот один человек нашел в себе гражданское мужество и искренне и честно признался в своем проступке. Такие люди достойны всяческого уважения.

Класс облегченно вздохнул. Я, помню, с удивлением подумала: «Ученики не придутся кого-то наказывать. Ученики не пойдутся звонить родителям?»

А Феня Михайловна таким же непринужденным тоном распорядилась:

— А теперь все мальчики, повторяю: все — кто причастен к этой двери и кто не причастен — идите, найдите эту несчастную дверь и водружайте её на её законное место.

Чуть помолчала и добавила: «Думаю, что Леонид Кузьмич простит вам эту неудачную шутку».

Умный человек и тонкий психолог, Феня Михайловна сумела понять и оценить ребячью фантазию, их склонность к юмору. И, как педагог, не принимала риторизм молодого учителя, который забыл свои школьные годы и требовал от почти уже взрослых ребят безоговорочного подчинения.

А свою случайную оговорку Феня Михайловна использовала как совет на будущее и мне, и Леониду Кузьмичу.

Проходят годы, и всё чаще и выскатейнее вспоминается в былые. Бывали случаи, когда я обижалась и даже сердилась в какие-то моменты на Реню

Михайловну. Она, как директор, требовала выполнения определённых указаний. Я, как классный руководитель, иногда терпела, иногда внутренне возмущалась, когда дело было не по мне.

За 47 лет работы в школе у меня только 2 года не было классного руководства, и я хорошо знала один из моих главных недостатков. Я не умела работать с родителями. Особенно с родителями старшеклассников.

Вот один из примеров. В моём классе было два интереснейших субъекта, которые требовали постоянного внимания. «Опять твои «Ваньки» набедокурили, — говорила мне Валентина Кирилловна, организатор воспитательной работы. «Ваньки» — это на нашем с ней дружеском сленге. На самом деле их звали Юля и Сережа.

Но были они весёлые шутники и держались всегда вместе. Отсюда и «Ваньки». А вообще ребята находчивые, остроумные, деятельные. Организовать поход в кино — пожалуйста! Подготовить юмористическую сценку к вечеру старшеклассников — нет проблем! Одним словом, старательные и добро-совестные во всем, кроме угёбы. А вот беда — неисправимые курильщики. И главная беда в том, что удача не дружила с ними в этом деле. Стоило им невзначай закурить вблизи территории школы, как этот факт становился достоянием Фени Михайловны. В окно она их высматривала, что ли? А мне тут же указание: звоните родителям! Да звонил я им... И не один раз. Отец Сережи был

накальничком в солцном угре педенич. Е мии
общение только через секретаршу. Папа Коля
внимательно выслушивал меня и масшеш-
ливо спрашивал; "А как это мне повесить
его за курево?" А потом доверительно сообщал;
"Я в его возрасте тоже курю. А теперь
вроде всё нормально."

Но, несмотря на все эти моменты, учителя
любили этих мальчишек. И именно они,
Коля и Сережа, еще других вспоминали школу,
когда служили в армии, и присылали нам пись-
ма и поздравительные открытки к праздникам.

Более замкнутая проблема возникла пере-
до мной, как перед классным руководителем,
когда в классе появился "новенький". Тут уже
я обиделась на Феню Михайловну не на шут-
ку. Зачем посадили этого уземика ко мне в
класс?

В 4-ой школе, где Влад учился в предыдущих
классах, произошел какой-то конфликт, и
мама перевела его в нашу школу в надежде,
что тут всё пойдет хорошо. Феня Михай-
ловна знала эту историю, знала и эту маму.
Начиналось всё вроде бы нормально. Привет-
ливый, достаточно воспитанный, парень по
какому не вызывая у преподавателей вопросов.
Неприятности начались на уроках химии.
Сначала появились "двойки". Потом пошли уже
дв в уроков, чтоб спастись от плохих
оценок.

Надежда Ивановна, учительница химии,
скурипудно сообщала мне обо всех неблаго-
получиях. Я, как было принято, звонила
родителям. Но мама эта никак не реаги-
ровала на мои сообщения. Я, видимо, была для
ней недостаточно авторитетная личность.

Тогда Надежда Ивановна напрямую обратилась к директору. Мамашу вызвали наконец-то, и в кабинете Фени Михайловны собрался мини-совет: Феня Михайловна, Надежда Ивановна, Жилик, и я, классный руководитель. Выскнув в нетипичное положение вещей, мамаша сказала, что попытается найти репетитора по Жилику. Тогда репетиторство активно вошло в моду.

Фене Михайловне первой пришла в голову мысль обратиться к Элеоноре Францевне. Элеонора Францевна много лет вела уроки Жилик в нашей школе. Одним из лучших Жиликов школы города считали её. Теперь она как пенсия. Нам с Надеждой Ивановной поручили подобрать эту маму с будущим репетитором.

И вот Влад ходит к репетитору, а Надежда Ивановна по-прежнему недовольна его ответами. Пришлось директору собрать в своём кабинете ещё один "симпозиум". Пригласили Элеонору Францевну, сказала ей, что она добросовестно выполняет свою работу репетитора. Она готовит будущего выпускника для поступления в вуз. Разбирает с ним сложнейшие вопросы программы, которые могут встретиться на вступительных экзаменах. А Надежда Ивановна на каждой своём уроке с присущей ей дотошностью убеждает, что Жилик не знает элементарных вещей. Но мы он нагусто забыл программный материал за 7 класс, то мы вообще не держим в руках первого учебника по Жилику. И это особенно раздражало учительницу.

Впрочем, Влад благополучно закончил школу, уехал в другой город и через много лет при встрече говорит, что, по счастью, эта "незастная Жилик" ему не пригодилась. Шло время. Школа стала гимназией. Растёт её авторитет. Победачи гимназистов

на олимпиадах различных уровней в район и область. Педагоги получили заслуженные поощрения.

И вдруг горькая, незаслуженная обида ни с того ни с сего обрушилась на голову Фени Михайловны. Причём случилось это незадолго до выхода на пенсию.

Однажды в школу пришёл журналист. Никто то Конон. О чём он говорил с директором, никто не знал. Однако он тщательно пересчитал ищущая в кабинетах телевизоры, магнитофоны, энциклопедии и прочие технические средства обучения. А чуть позже в одной из витебских газет появилась резкая статья памфлетного характера, где утверждалось, что Феня Михайловна нерационально использует государственные финансовые средства, отпускаемые на образование. Для одного школьного коллектива иметь такое количество ТСО — это расточительство, разбазаривание народного достояния.

Ни пишущему товарищу, ни редакционной коллегии не пришла в голову мысль проверить изложенные факты. На самом деле этими техническими средствами обучения Феня Михайловна, как и другие учителя, имела отношение только в том плане, что активно использовала их на уроках русского языка и литературы.

Приобретены все эти ТСО были ещё в то время, когда директором был Абрам Тригорьевич, когда велась пристройка трёхэтажного корпуса, спортивного и актового зала. Когда были переоборудованы старые классы-кабинеты. Для этой цели и были тогда отпущены и

и тогда же израсходовамы эти финансовые ресурсы. Методика работы с ПСО была в те годы прогрессивным явлением. В нашу школу за опытом приезжали делегации учителей со всей области. Абрам Григорьевич за эти введения в работу коллектива учителей получил звание Заслуженного учителя школ Беларуси.

И вдруг нарушителем финансовой дисциплины называют не в чём не повинную Френю Михайловну. К счастью, Френя Михайловна внешне восприняла эту несправедливость сдержанно и спокойно. Мы же, старые учителя, кто давно работал с ней, переживали и за неё, и за себя.

Идут годы. Нет с нами больше Френи Михайловны, но есть добрая память о ней. И всякий раз - накануне 1 сентября - на торжественной линейке вспоминают имя этого достойного человека, чьим умом, рвением, заботой была создана первая в Витебской области гимназия, которая сегодня гордо носит имя Ж.И. Алферова.

Мы же, кто работал с Френей Михайловной долгие годы, помним её не только по торжественным случаям. Мы перебираем в памяти совместные радости и печали, общие дела и свершения. Ведь воспоминания, как говорят в народе, - удел живущих и одно из благ человеческой жизни.

13.04.2022г.

Гаввазья Т.Т. /Г/

Остается только добавить; пусть пивет она не
только в нашей памяти—её коллег и учеников.
Пусть ясным и благодатным будет её продол-
жение. Пусть успешными и счастливыми будут
пути-дороги всех её близких. Пусть всё задуманное
сбудется на жизненной стезе везного энтузиаста—
сына Серёжи. Пусть будет счастлива младая,
заботливая невестка Илюшка. Радостного, ни кем
не оспариваемого будущего Стасику, Наташе и их
новым грядущим поколениям.

июль 2020г.

